



В Л А Д И М И Р С А Ф Р О Н О В

БЛОКАДНИК



БЛОКАДНАЯ ЖИЗНЬ ГЛАЗАМИ ПОДРОСТКА
ИЗ СЕМЬИ РЕПРЕССИРОВАННЫХ

ЯУЗА 

Москва
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С21

Сафронов, Владимир Петрович.
С21 Блокадник / Владимир Сафронов. — Москва :
Яуза : Эксмо, 2024. — 288 с.

ISBN 978-5-04-176014-4

История Великой Отечественной войны складывается из миллионов эго-историй граждан нашей страны. Солдаты на фронте, рабочие на заводах, крестьяне в колхозах работали на общую победу, но воспринимали реальность по-разному. Как воспринимали блокадную реальность дети Ленинграда? Как они видели ужасы войны?

Герой романа «Блокадник» подросток Петр немногим отличался от своих сограждан – его родители были репрессированы в 1937 г., и мальчика взяли на воспитание дядя и тетя. Война застала одиннадцатилетнего Петра на даче в Борщеве под Ленинградом, где он столкнулся с немецким диверсантом. Вместе с тетей Петр успевает вернуться в город до полного окружения.

В блокадном городе главный герой прошел череду испытаний: в составе народной дружины тушит вражеские «зажигалки» и дежурит у бомбоубежищ, ежедневно встречается со смертью, голодает из-за кражи продуктовых карточек. Автор детально изображает детали блокадного быта, рацион, процесс добывания воды и дров. В блокадном городе гибнут близкие Петра – сестра, бабушка и ее сын, но он сам проходит тяжелейшее испытание войной, голодом и оказывается в эвакуации. Осенью 1944 г. семья Пети возвращается в Ленинград и участвует в восстановлении города.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-176014-4

© Сафронов В.П., 2023
© ООО «Издательство «Яуза», 2024
© ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ОТ АВТОРА

О периоде репрессий и блокаде Ленинграда написано очень много, в том числе людьми, чьи жизни были опалены этой чудовищной трагедией. Но с каждым годом все меньше остается очевидцев, все сложнее нам воочию представить ужас тех дней, примерить хоть на миг на себя то, что было для наших отцов и дедов страшной повседневностью. Встречи со смертью, невыносимые физические и нравственные тяготы не сломили их дух. И наш долг — учиться у этих людей стойкости, никогда не забывая об их подвиге.

Мы не должны допустить, чтобы эта рана затянулась, чтобы эта боль утихла под гнетом проблем и тревог сегодняшних дней, чтобы душераздирающие рассказы о нашем относительно недавнем прошлом незаметно перешли в категорию «преданий», уже не способных вызвать комок в горле.

Непросто рассказывать о том, чего ты не пережил лично. И абсолютно невозможно полно-

стью раскрыть такую глобальную тему в одном произведении. Да это и не нужно. В этой книге я постарался описать события глазами ленинградского подростка, впоследствии ставшего моим отцом. Это попытка нарисовать картину по эскизам-эпизодам, которые живо виделись мне во время его рассказов.

Пусть прочитанное заставит каждого еще раз задуматься об истинных ценностях и спросить себя: а хватило бы ему мужества пережить такое?

*Памяти жертв репрессий
и всех павших в блокадные дни*

ГЛАВА 1

Петя осторожно раздвинул кусты и замер, всматриваясь в зелень листвы. Кузнечик стрекотал где-то совсем рядом, но оставался неразличимым в ветвях сирени. Неожиданно стрекот оборвался — насекомое почуяло опасность. И в тот же миг Петя увидел свою цель. Кузнечик выжидающе смотрел на человека выпуклыми капельками глаз, настороженно поводя усиками. Затаив дыхание, Петя выбросил руку и ловко ухватил насекомое за спинку. Это был крупный экземпляр, такие этим летом еще не попадались. Петя быстро упрятал добычу в заготовленную жестяную коробочку из-под зубного порошка «Пионер» и двинулся вдоль кустов. Хорошо бы поймать еще штуки четыре! Ведь сегодня на дачу приедет из города папа, и они пойдут на речку ловить язей. А какая наживка может быть лучше кузнечика?

— Петя! Завтракать! — послышался строгий голос матери. Петя неохотно развернулся

и заспешил к дому, сияющему в лучах утреннего солнца свежей ярко-желтой краской.

Завтрак был накрыт на просторной веранде. Мать, статная сорокалетняя шатенка, курила папиросу, опершись о белые перила.

— Ты опять там по кустам ползаешь? Я вот отцу скажу, чтобы прекратил это все. Бог знает, какую заразу можно подцепить от этой саранчи...

Петя поглубже задвинул в карман жестянку с кузнечиком и пошел мыть руки. Ему весной исполнилось семь. Лето тридцать седьмого на даче у станции Сиверская, в полутора часах езды к югу от Ленинграда, было очередным летом беззаботного детства, наполненного приключениями и открытиями, в окружении заботливых и любящих родных. В школу принимали только с восьми, и до этого нового периода жизни оставалось по детским меркам еще необозримо долго.

Домработница, пухленькая и жизнерадостная финка Мария, внесла на веранду небольшой самовар, попыхивающий паром. Все звали ее Марусей, она служила у родителей еще с Гражданской. Кроме общих забот по хозяйству, сначала нянчилась с Петинной сестрой Галиной, которая была старше на десять лет, а теперь помогала маме и бабушке управляться с непоседливым Петром.

На завтрак по обыкновению был свежий деревенский творог со сметаной и яйца всмятку. А к чаю — бутерброды с сыром и варенье из

черной смородины. Пете все это уже изрядно надоело, и он по-своему разнообразил утреннюю трапезу. То прятал отварное яйцо в сахарницу, и Маруся изумлялась, как она могла просчитаться, то подбрасывал свою персональную серебряную ложечку так, чтобы та упала в траву, и потом нарочито долго искал ее там под укоризненные замечания матери и бабушки. Но сегодня «выкидывать номера», по выражению сестры, времени не было. Ведь вот-вот приедет отец, а для намеченной рыбалки еще кое-чего не хватает! Поэтому Петя молча поглощал приевшийся творог в компании бабушки, Галины и Маруси.

Мать к столу так и не села. Неподвижно стояла, опустив руки на перила веранды, в ее позе ощущалась странная напряженность.

— Настенька, а ты-то что же?.. — удивленно повернулась от стола бабушка. — Чайку бы хоть...

— Я потом, с Сергеем выпью, — мать даже не обернулась, не сводя глаз с просвета между высоких берез, через который просматривался кусочек железной дороги.

Петя тоже посматривал в ту сторону, ленинградский поезд должен был уже вот-вот показаться. Наскоро заглотив чашку чая, обтер салфеткой варенье со щеки и выскользнул из-за стола, на ходу крикнув «спасибо». Он уже подкрадывался к очередной беспечно стрекочущей жертве, когда

послышался гудок приближающегося к станции паровоза. Ура! Папа приехал!

От станции до дачи было минут пятнадцать ходьбы. За это время Петя успел пополнить коробочку еще двумя кузнечиками и теперь нетерпеливо выглядывал из калитки на тропинку, ведущую к центру поселка. Наконец из-за поворота показалась мужская фигура. Петя всмотрелся, и на смену радости пришло удивление. Это был не отец, а мамин младший брат дядя Коля — Петя безошибочно узнал его по характерной прихрамывающей походке: дядя Коля был инвалидом с детства. На дачу он приезжал редко, хотя и жил в городе в одной квартире с Петиной семьей. Причиной тому было пристрастие дяди Коли к спиртному, а мать не желала позориться перед соседями по даче, да и сама не выносила выпившего брата.

Петина мать была родом из Латвии. Эта строгая, ухоженная женщина всегда требовала соблюдения порядка и приличий, в первую очередь от своих детей — неизбежное следствие строгого воспитания в царской гимназии. После начала Первой мировой Анастасия переехала из уездного города на окраине Российской империи в Петербург и поступила на работу в финансовый отдел Адмиралтейских верфей. Но при том вела достаточно светский образ жизни. Молодая красавица, с хорошим образованием и выдающимися музыкальными способностями, она посе-

щала богемные петербургские собрания, была знакома со многими знаковыми личностями той эпохи — Распутиным, Шаляпиным, Есениным, Маяковским. После революции устроилась делопроизводителем в Смольный, где общалась с вертушкой тогдашней политической элиты. Там же познакомилась и с будущим мужем — красным комиссаром, героем Гражданской.

Отец, бывший офицер императорского флота, давно проникся большевистскими идеями и активно участвовал в подготовке октябрьского переворота. Получил партбилет из рук самого Ленина, руководил успешными операциями на полях Гражданской. Демобилизовавшись после ранения, сделал стремительную карьеру. Возглавлял Главное строительное управление Балтийского региона, был избран членом Петросовета, а последние шесть лет служил начальником отделения крупной государственной оборонной организации.

На свадьбу Сергей Васильевич получил в пользование роскошные восьмикомнатные апартаменты на Екатерингофском проспекте. Через год у них с Анастасией родилась дочь Галина. Но наслаждаться просторными хоромами суждено было недолго: повсеместно проводилась политика уплотнения. Когда с этим стало бороться сложно, отец позаботился о том, чтобы в квартиру подселили не каких-то неизвестных людей, а родственников. Так под одной крышей оказались больше

двадцати Петиных родных: в основном из Латвии и Москвы — с родины отца. Все жили дружно, а неоспоримым главой огромной семьи был Сергей Васильевич — энергичный, веселый, с громким голосом, не терпящий возражений, порой резкий, уважаемый государственный муж.

Дядя Коля шел очень быстро, к калитке он почти подбежал. Увидев Петю, неожиданно бросил на землю саквояж, присел и вместо приветствия порывисто и крепко обнял племянника. Петя вывернулся из объятий и непонимающе спросил:

— А где папа?

Дядя ничего не ответил и заспешил к дому, Петя еле поспевал за ним. Все это было очень странно.

Мать все так же стояла на веранде. Завидев брата, не проронила ни слова, лишь вжалась спиной в белые перила, и лицо ее стало таким же белым.

— Сергея арестовали. Сегодня в пять утра.

Мать вскрикнула и зажала себе рот. Дядя Коля обнял ее, сбивчиво забормотал:

— Может быть, все еще обойдется, это наверняка какая-то ошибка...

Пете показалось, что в голове у него разом оглушительно застрекотали тысячи кузнечиков. Он подбежал к взрослым и уткнулся лицом в полу дядино пиджака. В последнее время он уже не раз слышал слово «арест» — взрослые производили его полупшепотом и с таким выражением

лиц, словно речь шла о чьей-то смерти. Еще Петя знал о «врагах народа» — про них нередко говорили по радио, причем особенно суровым голосом. Пете они представлялись страшными существами, этакими Бармалеями, стремящимися порушить счастливую жизнь советских людей. А вот взрослые отчего-то произносили эти слова с совсем другой интонацией и обычно в связи с упоминанием об аресте. Но если арестовывают именно «врагов народа», при чем же тут папа?

Выбежали бабушка, Маруся и Галина. Они как-то все поняли без слов. Сестра закрыла руками лицо, бабушка схватилась за сердце и безвольно упала в плетеное кресло. Маруся сверкнула глазами и что-то тихо и зло пробормотала по-чухонски. Мать стояла как истукан, глядя в одну точку стеклянными глазами. Петя не выдержал и заплакал. Дядя Коля обнял его, достал папиросу.

— Паниковать не надо, но мы должны быть готовы к худшему. Я попробую через Егорова выяснить...

И оборвался на полуслове. Из висящей в углу террасы черной «тарелки» послышался треск, и вдруг оглушающе грянуло бравурное:

*По ленинским мудрым заветам
Нас партия к счастью ведет.
И сталинской думой согреты
Страна и советский народ!*

Галя подскочила и выдернула штепсель громкоговорителя. Едва сдерживая рыдания, выкрикнула дяде Коле в лицо:

— Вы же понимаете, что никто ничего не выяснит! И никакой ваш Егоров тут не поможет...

Она убежала в дом, громко хлопнув застекленной дверью. Дядя Коля тяжело опустился на стул и, сторбившись, закурил, глядя в кусты. Петя достал из кармана жестянку с кузнечиками, положил на перила и открыл. Заснувшие было насекомые зашевелились и один за другим выпрыгнули в траву. Петя проводил их взглядом, затуманенным слезами.

ГЛАВА 2

С дачи съехали на следующее утро. О том, чтобы воспользоваться служебной машиной Сергея Васильевича, конечно, и речи не было. Но помог брат отца, Василий Васильевич. Он занимал высокий партийный пост, отвечал за всю полиграфию в Ленинградской области. Его кабинет находился под самым «шариком» дома Зингера. Все домочадцы погрузились в полуторку с обтянутой кожей кабиной — такие начали выпускать совсем недавно — и молча двинулись в сторону города.

Огромная квартира казалась пустой. Все жильцы сидели по своим комнатам, и даже на кухне не было обычной суеты и громких разговоров. Лишь инвалид дядя Саша пил чай в своем уголке. Никто не вышел навстречу, не задал ни единого вопроса и даже не поздоровался. Все спрятались, как от проказы, как будто и не было никогда большой, дружной и веселой семьи, объединившейся вокруг могучего лидера, казавшего-

ся несокрушимым, способного с улыбкой решить любые проблемы.

Кабинет отца опечатан сургучной печатью, в общей большой комнате беспорядок, который мама никогда не допустила бы. Но сейчас она почему-то никак не реагирует на это. На стене висит отцовская балалайка, у него талант и по этой части. Петя забрался в старое кожаное кресло и погрузился в тревожные думы. Что же будет теперь с папой? Услышит ли Петя еще звуки его любимого инструмента, захватывающие рассказы о сражениях на Кавказе и в Средней Азии? Побывает ли еще когда-нибудь на даче, будет ли ходить за грибами и на рыбалку, купаться в Оредеже, запускать на поляне воздушных змеев и до позднего вечера играть со взрослыми в лото на веранде? Пойдут ли они еще в кинотеатр «Ударник» на проспекте Газа — смотреть любимый фильм про Чапаева?..

В доме стояла тишина, но не та благодатная тишина, которая бывала в часы послеобеденного отдыха, а зловещая, напряженная. Галя куда-то ушла, Маруся с бабушкой распаковывали привезенные с дачи узлы и коробки. Петя прошелся по длинному коридору: все двери плотно закрыты, из комнат не доносится ни звука, хотя там есть люди. Осторожно потянул дверь родительской спальни. Мать в строгом сером костюме сидела с ногами на кровати. По ее словно окаменевшему лицу беззвучно текли слезы. Петя никогда

не видел маму такой, это было по-настоящему страшно. В одно мгновение он оказался рядом с ней, прижался, уткнулся лицом в плечо и заплакал — так же тихо, будто за это могли наказать. И самым ужасным было то, что мать никак не отреагировала.

На следующий день Анастасия вновь выглядела как обычно — собранной, волевой и точно знающей, что и как делать. Только темные круги под глазами отчетливо говорили о бессонной ночи. Она несколько раз звонила куда-то по телефону, а потом надолго отлучилась. Приехала под вечер, выглядела очень усталой, но глаза сияли. С порога сказала бабушке:

— В прокуратуре разрешили свидание. Завтра в три.

С этого свидания с отцом, которое оказалось их последней встречей, мать пришла вся черная. Она едва держала себя в руках. Упала в комнате на стул, ее всю трясло. Маруся накапала чего-то в стакан, мать выпила, стуча зубами о стекло. Бабушка пыталась увести Петю, но тут мать заговорила — сбивчиво, борясь со спазмами в горле и не обращая на сына внимания:

— Он весь избит... Один глаз не видит, зубы... Они его без конца допрашивают, требуют каких-то признаний, что он английский шпион... Господи, какая чушь! Хотят, чтобы он что-то подписал, назвал какие-то фамилии, но он ничего не подписывает и молчит. Говорит, что это страш-

ная ошибка и скоро все выяснится, его отпустят, а этих следователей накажут...

Петя слушал эти ужасные слова и ничего не понимал. Кто смел поднять руку на отца, заслуженного героя, важного государственного служащего? За что? Ему было так страшно, как, пожалуй, никогда в жизни. Один вид матери внушал ужас. Наконец бабушка спохватилась и почти силой увела внука в другую комнату.

С того дня мать замкнулась в себе. Ни с кем не разговаривала, почти все время неподвижно сидела в спальне у окна и даже к обеду не выходила. Петя был на попечении бабушки и Маруси, тоже непривычно молчаливых. Сестра почти целые дни проводила вне дома — бесцельно бродила по улицам и паркам, сидела на скамейках. Соседи-родственники по-прежнему прятались по своим комнатам, а при неизбежной встрече на кухне фальшиво улыбались Пете и со словами вроде: «Все будет хорошо» — старались скорее удалиться. Больше никаких известий об отце в семье не получали. Дядя Вася, единственный человек, который мог бы хоть как-то помочь, поддержать, как в воду канул. Тягостно тянулись дни, наполненные тревогой и смятением.

За матерью пришли спустя две недели — под утро, в пятом часу. Петя крепко спал и не видел, как двое энкавэдэшников, грубо оттолкнув смертельно напуганную бабушку, бесцеремонно выворачивают на пол содержимое комода